

Андрей Константинов

Решальщики

Книга четвертая

РАЗВАЛ/СХОЖДЕНИЕ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
К65

Серия «Мастера криминальной прозы»
Оформление обложки: *Юлия Межова*

Андрей Константинов
при участии Игоря Шушарина
и Александра Новикова

Константинов, Андрей Дмитриевич

К65 Решальщики. Книга четвертая. Развал/схождение /
Андрей Константинов.— Москва: Издательство АСТ,
2015.— 381, [2] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-091434-0

«Решальщики» продолжают изящно и творчески распутывать самые сложные интриги. Однако история учит, что любой творческий союз в перспективе обречен на распад. А уж когда в крепкую мужскую дружбу вмешивается женщина, ситуация принимает абсолютно непредсказуемый характер. Сумеют ли решальщики сохранить профессиональный тандем и спасти своего босса от уголовного преследования? По силам ли бывшим ментам противостоять Сильным Мира Сего?

Читайте заключительную книгу из тетралогии
Андрея Константинова «РЕШАЛЬЩИКИ».

Подписано в печать 15.04.15.

Формат 70 x 90 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 14,04.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© А. Константинов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ,

*повествующая о нетривиальных методах борьбы
с клептоманией, о членстве в Клубе первых жён,
а также убедительно доказывающая,
что в нашей жизни мистическое чаще всего
идет об руку с прозаическим*

- ...Базовая! Это зал. Девятый на связи!
- Слушаю, девятый.
- У нас в гостях «миссис Клювдия». Как поняли?
- Понял тебя. Какой сектор?
- Сектор «С». Молочные товары.
- Принято. Молочные товары.

Дежурный оператор пульта мониторинга зала пощелкал рычажками и вывел на основную телепанель увеличенную картинку сектора «С».

В этот утренний час в сетевом универсаме «Всячина» народу было немного, так что опознать бредущую вдоль полок выдающуюся (во всех смыслах) фигуру госпожи Нарышкиной особого труда не составило. Дежурный выставил фокус на максимальный зум и через пару секунд вполне отчетливо разглядел, как Елена Ивановна кладет в тележку пакет молока, а затем, воровато озираясь, подмахивает два глазированных сырка и прячет их в карман плаща.

— Девятый! Это базовая! «Миссис Клювдия» прикарманила два сырка.

— Понял, поднялась на два сырка. Похоже, направляется к кассам... Что-то негусто сегодня.

Изображение Нарышкиной исчезло было с телеэкрана, но дежурный переключил «телевизоры», и пошаговая жизнь наблюдаемого объекта вернулась в режим пошаговой визуальной доступности.

Елена Ивановна и в самом деле прошла к кассам и пристроилась к хвостику длиною из двух человек. Неуклюже делая вид, что изучает прессу на стойках, она, не без ловкости, подрезала из фирменной шоколадной горки «сникерс», который составил компанию сыркам.

— Базовая! Это девятый. Мне показалось, что сейчас было движение.

— Тебе не показалось. Есть шоколадка. Левый карман.

— Понял вас, базовая. Наши действия?

— Шас, погоди...— Дежурный набрал три цифры на служебном телефоне.— Игорь Алексеевич? Дежурный пультá Малахов. На кассе «миссис Клювдия». Да... Взяла два сырка и шоколадку... Что?.. Согласен, меньше вони будет...— Дежурный положил трубку и снова схватился за рацию:

— Девятый! Базовая.

— На приеме, базовая.

— Распоряжение старшего — «Клювдию» пропустить.

— Понял. Пропустить...

Дежурный откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову и с выражением брезгливого презрения

принялся наблюдать за тем, как супруга заместителя главы одного из ключевых комитетов Смольного оплачивает покупки и, минуя временно отключенную рамку, с торжествующим видом выкатывается на улицу.

Через пару минут Елена Ивановна не без потуги втиснулась на водительское сиденье серебристой «хонды» (подарок мужа на двадцатилетие совместных мучений) и только теперь заметила, что на лобовом стекле под левым «дворником» нарисовался инородный, полиграфического происхождения, предмет.

Костеря почем зря назойливых спамеров, от которых ныне проходу нет, госпожа Нарышкина выбралась из салона и раздраженно потянулась к мусорной рекламе. Вот только на поверку та оказалась не скидочной листовкой и даже не зазывным предложением интим-услуг — в руке у Елены Ивановны очутились три необычные игральные карты, соединенные скрепкой степлера наподобие миниатюрного веера.

Эта в сущности ерундовина отчего-то заставила «миссис Клювдию» вздрогнуть всем своим ХХЛвским размером, «сбледнуть с лица» и задрожавшими, густо оперстнёнными пальцами потянуться за мобильным телефоном:

— Оля?! Это Елена Ивановна!.. Опять! Опять началось! На том же самом месте!.. Что?.. Нет, на этот раз какие-то карты, три штуки. Нет, не похожи на игральные... Может быть... О, Господи! Я не знаю!.. Нарисовано? Сейчас... Меч как туз. Еще

мечи — девять сразу. И еще... здесь уже десять... Где посмотришь? Хорошо. Жду...

Госпожа Нарышкина сбросила звонок и принялась нервно расхаживать взад-вперед, сминая в кулачке напугавший ее сувенир.

Ответный звонок прозвучал минут через пять.

К тому моменту Елена Ивановна уже накрутила себя настолько, что умудрилась запутаться в кнопках родного телефона и ответила лишь после дюжины однообразных птичьих-руладных вызовов:

— Да, Оля. Слушаю... Где? Какой сайт?.. И что там написано?.. Да-да: туз, девятка и десятка... Ну?.. Господи! Да говори же скорей!.. ЧТО?..

В химически-завитой голове «миссис Кловдии» всё поплыло. Ноги ее мгновенно сделались ватными и перестали удерживать грузное тело. Ища точку опоры, супруга vip-чиновника прислонилась к машине и в близком к полуборморочному состоянии сползла на асфальт.

— Врача! Скорей! Здесь даме плохо! — завопила охраннику на входе случайно оказавшаяся поблизости сердобольная женщина и обеспокоенно склонилась над уходящей в бессознанку Еленой Ивановной.

В этот момент порыв холодного октябрьского ветра подхватил выпущенные из ослабевшей влажной ладони три скрепленные карты и понес их по асфальту парковки.

«Туз». «Девятка». «Десятка».

Не просто перебор. А перебор — с не слабой горочкой...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Санкт-Петербург, 2011, 20 октября, чт.

Федор Николаевич умирал.

Нет, это не было вопросом ближайших нескольких дней или, бог даст, недель. Тем не менее это все равно должно было случиться в обозримом будущем. В том самом, которое очень не хочется *обозревать*.

Федор Николаевич умирал и знал это. Хотя и Лоцилин, и трижды приводимый Ольгой целитель с физиономией хитрована дежурно и безыскусно пытались уверить его в обратном. Дескать, самая страшная фаза миновала, и теперь на горизонте якобы забрезжили шансы не просто вынырнуть из недуга, но и удержаться на поверхности жизни.

Угасающим разумом Федор Николаевич понимал, что подобные фальшиво-оптимистичные реплики произносятся из лучших побуждений. Одна-

ко душой такую же ложь во спасение не принимал. Ибо не спасала она его: ни от болей — мучительных, нестерпимых, ни от мыслей о смерти — скорой, неминуемой.

С каждым днем Федор Николаевич все хуже видел и слышал. А когда пытался что-то произнести, запекшиеся губы отказывались шевелиться и через слово выдавали хриплый противный свист. В положении полусидя отныне он способен был проводить не более десяти минут, после чего снова в бессилии валился на подушки...

«Скорей бы пришла Ольга! — единственная слабая надежда теплилась сейчас в мозгу Федора Николаевича. — Отчего ее так долго нет? Неужели... неужели она не смогла достать таблетки? Нет-нет, не может быть! Только не это!»

Таблетки... Эти маленькие, красного цвета капсулки, похожие на спрессованные, затвердевшие капельки крови, — единственное, что теперь по-настоящему способно было радовать Федора Николаевича. Если в нынешнем его состоянии производная от «радости» вообще контекстно-уместна. С этими волшебными таблетками не могло сравниться ничто — даже любовь Ольги, которая все эти последние месяцы, неся свой крест и мужественно закусив такие родные и такие отчаянно-желанные губки, столь же отчаянно билась за его жизнь.

Ольга... Закатный лучик солнца, подаренный ему в конце пути. А вернее сказать — в самом его

начале. Аккурат перед заходом в пресловутый тоннель бесконечности, из которого еще никто никогда не возвращался.

Воспоминание об Ольге заставило Федора Николаевича болезненно повернуть шею и скосить глаза на прикроватную тумбочку. Где, помимо бесчисленных медицинских причиндалов, стояла тарелка с едой, к которой он ни разу не притронулся, и лежала трубка домашнего радиотелефона. Менее чем через час должна была начаться финальная стадия переговоров со шведами. Если сделка состоится на тех условиях, которые разработал и выставил он, то за более-менее обеспеченное будущее Ольги можно быть спокойным. Да-да, именно «будущее». То самое, в котором персонального столика для Федора Николаевича не зарезервировано...

«Нужно позвонить в офис и еще раз (в который по счету?) все обговорить. Так, чтобы у них от зубов отлетало. Чтоб в последний момент не накосячили, не пошли на поводу у скандинавов», — подумалось Федору Николаевичу.

Стиснув зубы, выпростал из-под одеяла онемевшую левую руку и потянулся за телефоном.

* * *

— Владислав Антонович! Ну что вы тарашите на меня глаза, как заяц на ночной автобус? Я вам русским языком объяснил, что свою визу на договор в таком виде не поставлю! — Доселе пытав-

шийся как-то сдерживаться инспектор Петрухин более не скрывал своего раздражения.— Я понимаю, что в последнее время вы постоянно болтаетесь по границам и, возможно, на английском вам доступнее. Но — увы, я не владею никакими другими языками, кроме матерного и одесского суржика. Если хотите, могу попробовать перевести?

— Не хочу,— буркнул менеджер отдела сбыта по фамилии Лобков.

Был сей деятель «магистральных» бизнес-искусств элегантен, благоухающ и столь гладко выбрит, что невольно вызывал ассоциации с пресловутой «фамильной» частью женского тела из зоны глубокого бикини. Подвергшейся ежегодной предкурортной эпиляции.

— Не хотите — как хотите. Еще вопросы имеются?

— Имеются.

— Озвучивайте.

— Этот договор обязательно должен быть отправлен сегодня. У нас и так все сроки полетели. К чертовой матери.

— Положа руку на сердце, мне начхать с колоннады Исаакиевского собора на то, в каком направлении чартерно отправились ваши сроки. Меня другое тревожит.

— И что же?

— Складывается впечатление, что, воспользовавшись болезнью нашего юриста, вы подсовыва-

ете подобного рода бумаженции в расчете на мою некомпетентность. Так вот, спешу разочаровать: помимо церковно-приходской школы, я в свое время закончил и трехмесячные юридические курсы.

— А вот у меня складывается впечатление, что вам, Дмитрий Борисович...

— Ну-ну, продолжайте...

— ...что вам, как бывшему сотруднику органов, свойственно нагнетать нездоровую истерию. Дабы...— менеджер задумался, подбирая формулировку,— дабы показать свою полезность и незаменимость. Пускай бы и на пустом месте.

Под конец своей вспылчивой фразы Лобков прикусил язык, запоздало сообразив, что подобного рода дерзость может выйти боком.

Однако Петрухин дерзновенный порыв оценил и понимающе улыбнулся:

— Я в курсе, Владислав Антонович, что наша с господином Купцовым деятельность в этих офисных стенах вызывает раздражение. Мол, все при деле. Все, аки пчелки, пашут на благо корпоративного улья, походя ломая — не жилы, но жала. И только два бездельника-инспектора шляются по фирме, всюду суют свой нос и отрывают людей от производственного процесса. Так?

— Я такого не говорил.

— Вы такое подумали. Ладно, в конце концов — ваше право. Но договор в подобном виде все равно визировать не стану.

На столе очень вовремя затрезвонил служебный телефон, и Дмитрий с несвойственным ему рвением именно что рванул трубку:

— У аппарата!.. Что, прямо-таки «требуется»?.. Хорошо, сейчас поднимусь... Извините, Владислав Антонович, я вынужден свернуть нашу аудиенцию, поскольку меня срочно вызывает Брю... Виктор Альбертович.

* * *

Деловой разговор забрал последние силы.

Запрокинув голову, Федор Николаевич неподвижно лежал на спине и одними губами шептал/повторял немудреную, собственного сочинения — то ли молитву, то ли мантру: «Господи! Я не верю в Тебя. Но... Но помоги мне, яко милостив... Пускай поскорее вернется Ольга и... И принесет мне таблетки!..»

* * *

— Приветтики! Прекрасно выглядишь. Впрочем, как всегда, — отдежурился Петрухин. — Шеф там один, или?..

— У него посетитель. Замглавы КУГИ.

Брюнетовская секретарша Аллочка встретила вошедшего в приемную инспектора взглядом полных печали глаз. Ностальгия по былой, пускай и мимолетной, близости с сотрудником «магист-

ральной» СБ в данную минуту срезонировала у нее с наступившими «критическими днями». А посему душа, не задумываясь о последствиях, буквально рвала декольте. Поспешая излиться за наболевшее.

— Часом, не господин ли Нарышкин?

— Он самый.

— Оп-па! Неужто наши парни снова супружницу прихватили?

— О чем ты?

— Ах да, ты ведь за ту историю не в курсе. Доложишь?

— Да, сейчас,— подтвердила Алла и внимательно, словно сканируя, уперлась малахитовым зеленоглазием в инспектора.— Дима, скажи: ты меня больше не любишь?

«О Боги! Только не это!» — мысленно простонал Петрухин.

Впрочем, раньше или позже, но подобного разговора все едино было не миновать. Потому как... Мужчина — он прощает и забывает. А вот женщина — в лучшем случае только прощает. А вот в части «забыть» — никогда.

— Э-э-э-э... В каком смысле?

— А разве в этом вопросе может быть какой-то иной смысл?

Застигнутый врасплох инспектор изобразил на скорбном челе попытку запуска мыслительного процесса.

— На работе ты меня избегаешь,— начала выкладывать аргументы вкупе с фактами Алла.—